

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-114-133

УДК 94

Антон КРУТИКОВ

С.Д. Сазонов и польский вопрос в Российской империи в годы Первой мировой войны

Аннотация. В период Первой мировой войны актуальность польского вопроса определялась самим ходом военных действий. Глава российского МИД С.Д. Сазонов предложил программу реформ в Царстве Польском, направленных на восстановление его конституционного статуса и автономии. Проекты С.Д. Сазонова обсуждались в российском Совете министров, но отсутствие единства взглядов среди министров и нежелание обсуждать польскую тему в период войны привели к отказу от проведения реформ. Отклонение проекта Сазонова и его отставка с поста главы МИД означали утрату надежды на примирение двух славянских народов в конце Первой мировой войны.

Ключевые слова: С.Д. Сазонов, российская дипломатия, польский вопрос, российско-польские отношения, Царство Польское, Российская империя, Первая мировая война.

Сергей Дмитриевич Сазонов относится к числу самых известных российских дипломатов начала XX столетия. Без его участия не обходилось решение ни одного из важнейших вопросов российской внешней политики 1910–1916 гг. Возглавив Министерство иностранных дел России в ноябре 1910 г., после драматичных событий Боснийского кризиса 1908–1909 гг. и отставки своего предшественника А.П. Извольского, Сазонов очень быстро стал одной из наиболее ярких фигур в российском правительстве.

У современников и историков С.Д. Сазонов заслужил славу одного из творцов Антанты, а выбранный им курс на сближение с Великобританией и Францией способствовал укреплению и окончательному оформлению «Тройственного соглашения». В то же время отказ от «политики балансирования» и твердый курс на поддержку новых союзников не могли не вызвать ухудшения российско-германских отношений. Заметное влияние на императора Николая II и ключевая роль, которую сыграл С.Д. Сазонов в событиях июля 1914 г., заставляли многих связывать с его именем и само вступление России в мировой конфликт.

Не удивительно, что отношение современников к личности С.Д. Сазонова и результатам его деятельности было противоречивым. Еще накануне мирового конфликта «либерализм» Сазонова способствовал появлению в Совете министров большого числа его недоброжелателей. После 1914 г., когда в сферу деятельности главы МИД стали

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь» (Минск, Белоруссия); bialyorzel1000@gmail.com.

попадать вопросы не только внешней, но и внутренней политики, это число значительно увеличилось.

Российские правые круги в Государственной Думе и Государственном Совете накануне войны всячески противились ухудшению отношений с Германией, которая представлялась им оплотом стабильности и европейского консерватизма. Российский министр иностранных дел и официальная внешнеполитическая ориентация на Францию и Великобританию часто становились мишенью для критики.

Многие считали Сазонова несамостоятельной фигурой. Довольно распространенной была точка зрения, что его карьерный взлет объясняется родственными связями с премьером П.А. Столыпиным, а выбранный им курс — «единомыслием в восточной политике с Извольским и великим князем Николаем Николаевичем» [Сухомлинов, с. 301]. Другие, критикуя Сазонова за его увлечение «западной культурой», открыто называли его «англоманом» и едва ли не «британским агентом» в Санкт-Петербурге.

Образную характеристику главы МИД оставил помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов, по долгу службы принимавший участие во всех заседаниях правительства с мая 1914 г. По его словам, «министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов, культурный, широко образованный, элегантный, безукоризненно одетый, заботившийся о своей внешности, изъяснявшийся по-русски с неуловимым налетом привычки предпочтительно пользоваться иностранными языками, мог быть отнесен, по духовному его складу, к тому разряду российских граждан, которых именовали «русскими европейцами» [Яхонтов, Первый год войны... с. 70].

В какой мере С.Д. Сазонова можно отнести к либеральному крылу российской правящей бюрократии? насколько значимым был его вклад в реализацию российской внешней и внутренней политики в годы Первой мировой войны? Чтобы разобраться в этом, обратимся к позиции Сергея Дмитриевича по польскому вопросу и тем проектам государственного переустройства Польши, которые он разрабатывал и пытался реализовать в 1914–1916 гг. Это тем более существенно, что отставка Сазонова в июле 1916 г. с поста главы МИД была вызвана в первую очередь его разногласиями по польской проблеме с другими членами Совета министров.

«Польское дело» накануне войны

Факты биографии С.Д. Сазонова позволяют утверждать, что его интерес к польской проблеме возник задолго до начала Первой мировой войны. Этому способствовала его работа в качестве секретаря русской миссии в Ватикане, где Сергей Дмитриевич провел 10 лет, с 1894 по 1904 г. Уже тогда наличие у России многомиллионного католического населения рассматривалось не только с точки зрения духовных вопросов и работы Департамента иностранных исповеданий. Судьба польских подданных империи выступала в роли серьезного фактора, определявшего ее взаимоотношения с западными соседями. Со времен второго польского восстания и знаменитой речи императора Александра II, призвавшего поляков «оставить мечтания» о возрождении собственной

независимости, польская тема не переставала интересовать правительства других великих держав.

Со своей стороны, поляки, наученные горьким опытом неудачных мятежей, с конца XIX столетия выбрали путь «органической работы» и сотрудничества с российскими властями в надежде на постепенное повышение статуса Царства Польского в составе Российской империи. Это обстоятельство позволяло многим российским политикам надеяться на возможность нормализовать отношения между русским и польским народами.

К началу Первой мировой войны С.Д. Сазонов имел уже сформировавшееся мнение по польскому вопросу. Он был убежденным противником включения земель Царства Польского в состав Российской империи. В своих воспоминаниях, опубликованных в Берлине в 1927 г., Сазонов дал развернутую оценку всей предыдущей русской политике в Царстве Польском со времен Александра I до Николая II.

Присоединение Польши к России, по его словам, было, «по существу, дело несправедливое, а с русской точки зрения, оно было непростительно». «Не трудно было предвидеть, — отмечал Сазонов, — что польский народ, как бы благожелательно к нему ни относилась русская власть, никогда с ней не примирится. Между Россией и Польшей лежало, как зияющая пропасть, три века почти непрерывной войны, в которой Польша часто играла роль нападавшей стороны и нередко бывала победительницей. Между русскими и поляками было пролито слишком много братской крови, чтобы их примирение могло состояться иначе, как на началах высшей справедливости и полного признания взаимных исторических прав» [Сазонов, с. 369].

Сазонов был убежден, что со времен завоеваний Екатерины II Россия получила прекрасную западную границу, основанную на этнографическом принципе, а необдуманные шаги Александра I нарушили этот баланс. Присоединение территорий с совершенно чуждым по культуре населением и еще не угасшим национальным самосознанием он считал стратегической ошибкой, дорого стоившей России в XIX в.

По словам Сазонова, «После Венского конгресса началось для России тревожное столетие, полное не прекращавшихся между ней и поляками недоразумений, споров, взаимных обвинений и острой вражды, принявшей вскоре форму вооруженных восстаний, которая отличалась с обеих сторон одинаковым ожесточением и едва не втянула Россию в международные осложнения. После подавления последнего из этих дорого нам стоивших восстаний наступила пора затишья. Будучи разумно использовано, это время могло бы дать благоприятные результаты для улучшения взаимных отношений русского и польского народов» [Сазонов, с. 372].

Отдельно министр останавливался на судьбе пограничных территорий Малой и Белой Руси, которые не раз становились предметом спора между русскими и поляками. Не подвергая никакому сомнению принадлежность России губерний Западного и Юго-западного края, Сазонов выражал сожаление, что на протяжении десятилетий они

управлялись на тех же основаниях, что и польские губернии, без всякого уважения к местным особенностям и историческим традициям. Опора русского правительства на «польский консервативный элемент» в крае, вошедшая в привычку на протяжении первой половины XIX в., никак не отвечала задачам по восстановлению здесь Россией своих национальных исторических прав.

С точки зрения русских национальных интересов, отмечал дипломат, «было бы безрассудно и преступно подвергать Белоруссию и Украину, более древние русские земли, чем их колония — Восточная Русь или Великороссия, риску ополячения» [Сазонов, с. 375].

Особую критику Сазонова вызывала политика «дружественных внушений» со стороны берлинского двора, который, используя родственные связи с петербургской династией, не упускал возможности помешать любым попыткам примирения русских и поляков. Такая политика, проводимая со времен Бисмарка (много сделавшего на этом поприще в роли прусского посланника в Санкт-Петербурге), дожила до начала XX столетия и по-прежнему являлась руководством к действию для значительной части российской бюрократии.

«Приходится признать, — отмечал министр, — что наша польская политика обуславливалась не одними воспоминаниями о былом соперничестве между Россией и Польшей, оставившем глубокий след на их взаимных отношениях, ни даже горьким опытом польских мятежей, а в значительной мере берлинскими влияниями, которые проявлялись под видом бескорыстных родственных советов и предостережений каждый раз, как германское правительство обнаруживало в Петербурге малейший уклон в сторону примирения с Польшей» [Сазонов, с. 374].

Позднее, словно в подтверждение этих слов С.Д. Сазонова, Варшавский архиепископ и примас Польши Александр Каковский в беседе с протопресвитером российской армии и флота Георгием Шавельским, перечисляя немецкие фамилии, представленные в администрации края, с горечью констатировал: «Русская власть точно нарочно бьет по самолюбию поляков» [Шавельский, Т.1, с. 216]. кадровый состав администрации Варшавского генерал-губернаторства (составленный сплошь из прибалтийских немцев) никак не отвечал духу «русификации края». на фоне приближающегося конфликта с Германией вывод С.Д. Сазонова выглядел более чем актуально.

Признавая невозможность управлять Царством Польским одними лишь административными методами, Сазонов настаивал на важности социально-экономического фактора в развитии этой западной окраины Российской империи. По его мнению, в будущем российское правительство неминуемо должно было пойти на либерализацию режима в Царстве и провести реформы хотя бы в области местного самоуправления.

Накануне Первой мировой войны вокруг С.Д. Сазонова в российском МИД сложился круг единомышленников, которые признавали необходимость проведения в Польше политических реформ и восстановления ее автономного статуса. К их числу следует

отнести барона Б.Э. Нольде и князя Г.Н. Трубецкого. к ним примыкал государственный секретарь С.Е. Крыжановский, соратник П.А. Столыпина, принимавший самое деятельное участие в разработке законопроекта о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского в 1912 г.

Законопроект о Холмщине, имевший широкий общественный резонанс, был, безусловно, важнейшим актом в развитии «польского дела» в предвоенные годы. Он находился целиком в русле политики премьера П.А. Столыпина по национальному размежеванию на западных окраинах Российской империи и восстановлению прежде утраченных русским народом позиций в рамках концепции «Великой России».

Закон, рассмотренный обеими российскими законодательными палатами уже после смерти П. А. Столыпина, получил высочайшее утверждение 23 июня 1912 г. Он означал выделение из состава Царства Польского особой Холмской губернии, изъятой из ведения Варшавского генерал-губернатора и напрямую подчиненной российскому министру внутренних дел.

Это событие, по словам государственного секретаря, имело очень важный подтекст: «По официально никогда не высказанной мысли, мера эта имела целью установление национально-государственной границы между Россией и Польшей на случай дарования Царству Польскому автономии» [Столыпин, с. 20].

Намерение П.А. Столыпина «отделить» Царство Польское не нашло отражения в официальных документах, но было зафиксировано в воспоминаниях близких к нему людей. По словам сына П.А. Столыпина, согласно замыслу его отца, «к Польше должны были быть прирезаны, взамен отторгнутых от нее частей Холмщины, некоторые части Гродненской губернии, населенные поляками. Речь шла о части Вельского и Белостокского уездов. Таким образом была бы достигнута основная цель размежевания». На 1920 г., свидетельствовал А.П. Столыпин, намечалось даже полное отделение Польши от России [Там же].

Учитывая ту роль, которую сыграл премьер в назначении нового главы МИД, можно предполагать значительное сходство их взглядов по польскому вопросу.

Таким образом, видные представители царской бюрократии, включая руководителя Министерства иностранных дел, видели в изменении статуса Царства Польского путь к примирению с поляками и готовили для этого почву. Первые пробные шаги были сделаны незадолго до начала мировой войны.

В 1913 г. в Берлине начальник Ближневосточного департамента Министерства иностранных дел князь Г.Н. Трубецкой опубликовал памфлет «*Russland als Grossmacht*». В этой работе автор подвергал критике разделы Речи Посполитой и приходил к революционному (для представителя российской бюрократии) выводу. Полякам, по его мнению, необходимо было предоставить те же права, какими они пользовались в то время в Австро-Венгерской монархии в Галиции, то есть политическую автономию [Ве-

чоркевич, с. 145]. Как отмечает современный исследователь С.В. Позняк, «такая постановка вопроса была возможной если не с благословения, то с молчаливого согласия руководителя Министерства иностранных дел С.Д. Сазонова» [Позняк, с. 159].

В начале 1914 г. позиции С.Д. Сазонова значительно укрепились после отставки премьер-министра В.Н. Коковцева, который, по мнению императора Николая II, проявлял слишком большую самостоятельность суждений по вопросам внешней политики.

Глава российского МИД обратился к царю со специальным докладом, тема которого формально не относилась к компетенции руководителя внешнеполитического ведомства. Говоря о Царстве Польском, министр призвал Николая II во имя «великодержавных задач» России пойти навстречу «разумным пожеланиям польского общества в области самоуправления, языка, школы и церкви» [История внешней политики... с. 296]. По его убеждению, польский вопрос уже давно требовал разрешения на законодательном уровне и соответствующего оформления в виде императорского манифеста.

МИД и воззвание Великого князя

Актуальность подобного подхода обнаружилась в 1914 г., с началом Первой мировой войны, когда польский вопрос вновь превратился в один из важнейших вопросов европейской политики. Воюющие державы, оказавшиеся по разные стороны фронта, не могли не учитывать политические устремления поляков, когда разрабатывали свои планы послевоенного переустройства Европы. Изменения, которые могли произойти на европейской карте, теперь были связаны не столько с политикой аннексий и захватов, сколько с ростом национального самосознания и повышением роли национального фактора в политике великих держав. Новые, небывалые масштабы конфликта, в котором с каждой из сторон теперь действовал «вооруженный народ», заставляли правительства воюющих стран идти на пересмотр позиций по многим национальным проблемам, одной из которых был польский вопрос.

Для Центральных держав географическое положение Польши с самого начала войны делало ее территорию главным театром военных действий на востоке. Для России же наличие «Варшавского выступа» выдвигало на первый план необходимость обороны этого наиболее уязвимого участка фронта, а также обеспечение лояльности польского населения в тылу. Эти обстоятельства повышали заинтересованность воюющих держав в привлечении симпатий поляков на свою сторону. Немаловажное значение имел и тот факт, что значительное число поляков служили как в российской армии, так и в армиях Германии и Австро-Венгрии.

Именно поэтому С. Д. Сазонову пришлось столкнуться с необходимостью разрешения польской проблемы уже в первые недели войны. Российский МИД становился одним из важных центров разработки решений польского вопроса, который приобретал международное значение, постепенно выходя за рамки российской внутренней политики.

Другим центром формирования польской политики империи стала Ставка Верховного главнокомандующего и ее дипломатическая канцелярия.

Именно Ставка предприняла первые практические шаги по разрешению польского вопроса. 1 августа 1914 г. Верховный главнокомандующий русской армии Великий князь Николай Николаевич обратился с воззванием «К полякам», фактически пообещав восстановление автономного статуса Царства Польского:

«Поляки, пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения ее с великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим воссоединится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. Одного ждет от вас Россия: такого же уважения к правам тех национальностей, с которыми связала вас история. С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет к вам великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде» [Лемке, с. 22].

Современники приписывали авторство текста лично С.Д. Сазонову, а также его сотрудникам по Министерству иностранных дел барону Б.Э. Нольде и князю Г.Н. Трубецкому. Впрочем, существовали и другие версии авторства этого документа. Так, Зинаида Гиппиус утверждала, что воззвание Великому князю «писали и редактировали» П.Б. Струве и Г.Е. Львов [Гиппиус, с. 27]. А современный исследователь А.Ю. Бахтурина указывает в числе авторов генерала Н.Н. Янушкевича и военного министра В.А. Сухомлинова [Бахтурина, Воззвание к полякам... с. 134].

За этим воззванием последовали ни к чему не обязывающие заявления немецких и австро-венгерских властей о том, что одной из целей войны является освобождение поляков из-под «чуждого господства».

Воззвание встретило в основном благожелательные отзывы среди польского населения. Самые разные политические силы, от национальных демократов до консерваторов, были склонны безоговорочно поддержать вооруженную борьбу против «германизма», в которую вступала Россия. Высшие слои польского общества, особенно аристократия, демонстрировали полную лояльность по отношению к русскому правительству. Такие настроения преобладали среди различных социальных групп и стали частью общего патриотического подъема в первые недели войны. Перемены в польском общественном сознании не остались незамеченными как представителями власти, так и в кругах интеллигенции.

Под впечатлением от воззвания Великого князя известный историк и филолог-славист А. Н. Погодин в предисловии к своей «Истории польского народа в XIX веке» отмечал: «Эти строки я пишу во время войны, на знамени которой написаны великие слова об объединении и освобождении народов» [Погодин, с. 2].

А поэт Валерий Брюсов, прибывший в польскую столицу в августе 1914 г. в качестве военного корреспондента «Русских ведомостей», написал стихотворение «В Варшаве», посвященное известному политику и стороннику русско-польского сближения А.Р. Ледницкому. Казалось, давняя мечта С. Д. Сазонова о «примирении» двух славянских народов была как никогда близка к реализации.

Воззвание Великого князя имело настолько значительный международный резонанс, что министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей прочел его на заседании британского парламента. Это обстоятельство было с восторгом встречено польской общественностью. Варшавская «Nowa Gazeta» поспешила уведомить своих читателей, что теперь польский вопрос есть вопрос международный [Война и Польша... с. 25].

Российская администрация в Царстве Польском, впрочем, далеко не разделяла подобную точку зрения. В августе-сентябре 1914 г. в Варшавском генерал-губернаторстве произошло несколько эпизодов, которые свидетельствовали о том, что преодолеть негативные стереотипы в восприятии друг друга двум народам до конца все же не удалось.

Так, исполняющий обязанности Варшавского генерал-губернатора Антоний фон Эссен в августе 1914 г. отказался принимать депутацию жителей Варшавы, которые хотели поблагодарить его за воззвание Великого князя в обращении на польском языке. А попечитель Варшавского учебного округа Г.В. Левицкий ввел своим циркуляром дополнительные ограничения на преподавание поляками гуманитарных дисциплин в частных учебных заведениях даже и на русском языке. По данному поводу Член Государственного совета по выборам от Царства Польского граф С.И. Велепольский был вынужден обратиться лично к премьеру И.Л. Горемыкину, причем вопрос дважды обсуждался на заседании Совета министров. Только благодаря настойчивости российского премьера циркуляр был отменен [Позняк, с. 159].

Когда в Ставку начали поступать проекты формирования в составе русской армии особого «польского войска», это тоже поначалу не вызвало у российских военных большого энтузиазма. Со стороны командования высказывались опасения, что организация польского войска может создать у поляков иллюзию, что «при определении будущего устройства Польши уже предreshен вопрос о предоставлении ей права содержать независимую польскую армию».

Российский МИД во главе с С.Д. Сазоновым не остался в стороне от проблемы создания польских военных частей. В сентябре 1914 г. представитель МИД при Ставке Н. Кудашев рассматривал совместно с военными вопрос об организации польского ополчения. Кроме того, сам Сазонов обсуждал данный вопрос со старшим секретарем дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего Н.А. Базили.

В итоге национальные польские формирования в русской армии были созданы лишь в конце 1914 г. Российские власти поддержали инициативу польского дворянина Витольда Остои-Горчиньского по созданию в Люблине и Пулавах (Новой Александрии) двух первых польских легионов [Копылов, с. 5].

Очень скоро обнаружилось существенные разногласия между Ставкой и Министерством иностранных дел по вопросу о дальнейшей судьбе Польши. Военное командование в своих отношениях с поляками опиралось на воззвание Великого князя, которое предусматривало решение польского вопроса только после войны. МИД же испытывал определенное давление со стороны союзников и, не желая вовлекать в рассмотрение этой проблемы Великобританию и Францию, был вынужден предпринимать превентивные меры для решения «национального вопроса», под которым и в Париже, и в Лондоне понимали одновременно польскую, еврейскую и финляндскую проблемы [Колмагоров, с. 214; Копылов, с. 4].

14 сентября 1914 г. глава российского МИД С.Д. Сазонов принял участие в совещании в Петрограде, где присутствовали британский посол Дж. Бьюкенен и французский посол М. Палеолог. помимо выяснения позиций сторон, шло обсуждение плана включения в состав «восстановленной в рамках Российской империи Польши» территорий Восточной и Западной Галиции, нижнего течения Немана, а также земель Познани и Силезии. Планы России были достаточно умеренными и серьезных возражений союзников не встретили, однако никаких конкретных решений на данном совещании принято не было. Дж. Бьюкенен сослался на то, что он не уполномочен подписывать столь важные документы.

В конце сентября 1914 г. британское Министерство иностранных дел в телеграмме, направленной Дж. Бьюкенену, сообщало, что «Лондон надеется на действия России в соответствии с возванием Николая Николаевича». Тогда же С.Д. Сазонов получил от английского посла наброски плана послевоенного устройства Европы. В отношении польского вопроса было отмечено, что Россия получит обещанные ей польские провинции Австрии и Пруссии, если на эти территории будет распространяться манифест Великого князя.

О том же говорилось в сообщении российского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа. Великобритания «безоговорочно уступала» России польские провинции, принадлежавшие Австрии и Пруссии, но при условии, что Россия будет руководствоваться по отношению к ним возванием Верховного главнокомандующего. Англия, по убеждению посла, была намерена употребить «всю силу своего влияния в пользу широкого исправления европейской карты на этнографической основе», чего можно было достигнуть, по мнению ее руководителей, главным образом за счет Габсбургской монархии [История внешней политики... с. 314].

Российские правящие круги до конца 1914 г. предпочитали сохранять осторожность и, учитывая затянувшийся характер войны, не спешили давать новые обещания как союзникам, так и своим польским подданным.

Великое отступление

Серьезные перемены произошли весной-летом 1915 г., когда начавшееся австро-германское наступление свело на нет успехи русских войск первых месяцев войны. Отсту-

пая, русская армия была вынуждена очистить левый берег Вислы, потеряв здесь важнейшие крепости Новогеоргиевск и Ивангород, оставить Галицию, территорию Царства Польского и часть Литвы. Затем русские войска покинули и Западную Белоруссию. Из Царства и прифронтовых губерний России на восток устремился огромный поток беженцев, что усложнило и без того непростую социальную обстановку в центральных российских губерниях. В этих условиях проблема обеспечения лояльности польской части населения вновь стала очень актуальной.

Выступая на заседании Совета министров 16 июля 1915 г., военный министр генерал А.А. Поливанов заявил: «Отечество в опасности». Министры были склонны возложить на Ставку значительную часть ответственности за те хаос и неразбериху, в которые погружалась прифронтовая полоса России. Министр юстиции А.А. Хвостов задавался вопросом: «А что творится с эвакуацией очищаемых нами местностей? Ни плана, ни согласованности действий. Все делается случайно, наспех, бессистемно. Сплошь и рядом учреждения получают приказ об отъезде чуть ли не за несколько часов до очищения города войсками. [...] Архивы, имущество бросаются на произвол судьбы. [...] Губернаторы узнают об избрании их района для данного учреждения лишь в момент прибытия поездов с чиновниками и грузами» [Яхонтов, Тяжелые дни... с. 14].

Не понимал министр и того, каким образом к компетенции Ставки стали относиться вопросы национального характера: «А как отнестись к таким, например, действиям, как разрешение формировать различные польские легионы, латышские батальоны, армянские дружины? Подобные формирования выходят за пределы узковоенных интересов, в корне затрагивая вопросы общегосударственной политики. Ведь этот шаг есть в существе ничто иное как установление принципа образования национальных войск. Разве допустимо, чтобы такая мера принималась без согласия Совета Министров» [Там же].

Было очевидно, что правительство не желало больше мириться с расширением полномочий Ставки и фактическим двоевластием в западных прифронтовых областях. По словам занимавшего должность министра торговли и промышленности князя В.Н. Шаховского, «обуздание своеволия» военных начальников теперь стало особенно важным.

С.Д. Сазонов не мог не учитывать эти обстоятельства. Пошатнувшиеся позиции Ставки вновь выводили МИД на первый план в деле разработки польской политики империи.

В 1915 г. глава МИД принял твердое решение провести в Польше необходимые преобразования, которые уже не рассматривались бы польским обществом (равно как и противниками России) только как пустые обещания. В своих воспоминаниях Сазонов отмечал: «Разочарование и тревога поляков после очищения нами Царства Польского и занятия немцами Варшавы достигли крайней степени. Многие из них изверились в нашей способности защитить их от натиска германцев и даже в нашем желании сделать что-либо, чтобы вознаградить их за подъем духа, с которым они стали под наши

знамена для общей борьбы против немцев и за те тяжелые нравственные и материальные жертвы, которые выпали на долю Польши с первых же дней войны. Я не сомневался, что германское и австро-венгерское правительства используют это положение в ущерб России путем лживых обещаний, на самом же деле для более или менее скрытого присоединения польских земель, лежавших по ту сторону их границ» [Сазонов, с. 381].

Воля российского монарха в польском вопросе, по словам министра, теперь должна была стать определяющей. Времени для его разрешения оставалось все меньше: «Надо было во что бы то ни стало, раньше, чем центральные державы успели, под видом призрачного восстановления Польши, приступить к ее окончательному расчленению, чтобы Россия объявила голосом своего Государя, как она понимала национальное возрождение польского народа. Надо было не довольствоваться на этот раз изложением одних общих принципов этого возрождения, вроде объединения раздробленного тела Польши, свободы ее религиозной жизни и развития национальной культуры, но обеспечить ее возврат к политическому существованию, дав ей для начала государственное устройство, основанное на полном внутреннем самоуправлении» [Сазонов, с. 382].

С.Д. Сазонов был глубоко убежден в том, что, пытаясь добиться проведения реформ в Польше, он действует и в русских национальных интересах. При этом преобразования должны были осуществиться «на благо русского и польского народа и всего славянства» и только «по почину русского царя».

Однако у Сазонова почти не оказалось союзников в Совете министров. По его словам, он мог положиться в решении польского вопроса только на двух-трех человек, оказывавших ему поддержку. Министры внутренних дел, юстиции, да и сам премьер его позицию не разделяли.

В июле 1915 г. произошло первое серьезное столкновение С.Д. Сазонова с другими членами правительства. 16 июля Совет министров обсуждал вопрос о будущем заявлении премьера И.Л. Горемыкина в Государственной Думе, которое по времени почти совпадало с оставлением русскими войсками Варшавы. Собираясь как-то обнадежить поляков, премьер Горемыкин все же не был готов давать им обещания, выходящие за рамки воззвания от 1 августа 1914 г.

С.Д. Сазонов же выступил с предложением немедленно разрешить вопрос о даровании Польше автономии Высочайшим Манифестом, не дожидаясь созыва Думы, ввиду событий на фронте. Однако никто из коллег Сазонова не поддержал эту инициативу. «Если поляки захотят поверить искренности правительства, — заявил премьер И.Л. Горемыкин, — то для них будет достаточно и моего заявления в Думе от имени Государя Императора» [Яхонтов, Тяжелые дни... с. 18].

В итоге заявление премьер-министра И.Л. Горемыкина, сделанное им 19 июля, содержало лишь повторение обещаний, высказанных в воззвании Великого князя. Единственной уступкой полякам было появившееся в тексте слово «автономия», : «Его Ве-

личеством повелено Совету Министров разработать законопроекты о предоставлении Польше, по завершении войны, права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах местной автономии, под Державным Скипетром Государей Российских и при сохранении единой государственности» [Там же].

Проекты для императора

Позиции Сазонова отнюдь не укрепились после назначения в январе 1916 г. нового председателя Совета министров Б.В. Штюрмера (чей двоюродный дед был в свое время австрийским комиссаром на острове Св. Елены, где присматривал за Наполеоном). Глава МИД возражал против такого назначения, считая его подрывающим авторитет правительства и небезопасным в условиях войны. Популярность нового премьера была действительно крайне низкой. Хотя род Штюрмеров уже давно обосновался в России — предки Б.В. Штюрмера служили российским императорам с начала XIX века, — это обстоятельство тогда мало принималось во внимание русским обществом.

По словам члена Государственного совета графа С.И. Велепольского, Штюрмер был «очень мало знаком с польским вопросом. Это было видно из того, что даже исторических фактов последних лет он не знал. По-моему, — продолжал Велепольский, — он польского вопроса совсем не знал» [Падение царского режима... с. 35].

Это не помешало, однако, польским кругам попытаться повлиять на премьера и добиться от него более радикальных заявлений по польскому вопросу, чем сделанные ранее Горемыкиным. Широкую известность получила «Записка» С.И. Велепольского, в которой польский аристократ и землевладелец предлагал свое видение решения польского вопроса. Призывая конкретизировать положения, заложенные в воззвании Великого князя, Велепольский заявлял, что одних только земских и городских реформ в Польше недостаточно. «Никто, конечно, не может сомневаться в полезности введения городского акта или земского положения в Царстве Польском, — утверждал политик, — но ведь эти реформы были спроектированы правительством за семь лет до войны. [...] Исполнинская война 1914 года не могла не поставить вопроса о русско-польских отношениях во всем его историческом значении и полноте. Воскресла заветная мечта отцов и дедов и надежда на братское примирение с Великой Россией» [Записка гр. Сигизмунда Велепольского... с. 50–51].

В ходе нескольких аудиенций у Б.В. Штюрмера в феврале 1916 г. С. И. Велепольский пытался предложить ему свой взгляд на решение польской проблемы, но получил отказ: «Я ничего не переменю» — заявил Штюрмер [Падение царского режима... с. 36].

Было очевидно, что перспектива получить «единую Польшу и разрозненную Россию» (по словам А. Н. Яхонтова) никого в российских правящих кругах не устраивала [Соколов, с. 78].

Свой проект предложил и глава российского МИД, однако он предназначался в первую очередь для рассмотрения государем, а не премьер-министром.

С.Д. Сазонов составил памятную записку с приложенным к ней проектом «основных постановлений о политическом устройстве Царства Польского». Этот документ был окончательно подготовлен 17 апреля 1916 г. и направлен для ознакомления императору. По мнению министра, существовало всего три варианта разрешения польского вопроса: «независимость Царства Польского, самобытное существование Царства в единении с Россией и более или менее широкое провинциальное самоуправление края».

С.Д. Сазонов выступил против идеи независимости Польши, несмотря на ее популярность в российских либеральных кругах: «При отдельном существовании Царство Польское, предоставленное своим собственным силам (международная гарантия или договорная нейтрализация при изменчивости международной обстановки едва ли много помогут), не в состоянии будет успешно бороться с Германией. Нам придется его защищать от германского натиска, только в условиях, менее отвечающих нашим интересам и выгодам, без возможности соответственным образом подготовить политическую, экономическую и военную оборону в пределах Царства. Затем, несомненно, отказ от Польши будет истолкован как признак нашей слабости, ибо подобное отречение от столетнего прошлого нашей политики иначе массами оценено быть не может. К тому же, при такой оценке, мы уйдем из Польши до нашего окончательного «примирения» с польским народом, который будет помнить последние десятилетия до войны и видеть в России враждебную польской народной стихии силу. А тогда Германия, при содействии австрийцев, может сблизиться с независимой Польшей и сделать Варшаву, как пред вторым разделом, центром политической интриги, направленной против нас» [Памятная записка... с. 88].

Неприемлемым казался министру и вариант провинциального самоуправления. В итоге Сазонов приходил к следующему выводу: «Только средний путь ведет к цели. Надо создать в Польше такую политическую организацию, которая сохранила бы за Россией и ее монархом руководство судьбами польского народа и в то же время давала бы его национальному движению широкий выход, притом не на путь продолжения исторической тяжбы с Россией, а на путь правильного устройства внутренней политической жизни края. Это среднее решение было бы восстановлением традиций политики императора Александра I и императора Николая I, который даже после восстания 1830 г. продолжал управлять краем по польским законам при помощи подчиненной князю варшавскому польской бюрократии» [Там же].

В заключении глава МИД указывал главный принцип, на котором должна была осуществиться польская автономия: «Царство Польское связано с государством Российским нераздельностью престола и единством дел общегосударственных. В своих внутренних делах оно управляется особыми установлениями и на основании особого законодательства» [Памятная записка, с. 90].

Николай II ознакомился с проектом Сазонова, но никакого решения так и не было принято. Осторожный подход к польскому вопросу сохранялся в условиях, когда Царство Польское, Галиция, Литва и часть соседних областей Российской империи оставались под контролем германских и австро-венгерских войск.

С другой стороны на Россию постоянно оказывалось дипломатическое давление. Франция и Великобритания не раз намекали своему союзнику, что «поскольку война ведется ради освобождения народов и решения их судьбы согласно национальным интересам, то в один ряд с такими странами, как Сербия и Бельгия, должна быть поставлена и Польша» [Копылов, с. 4].

С.Д. Сазонову стоило большого труда отклонять многочисленные «дружественные внушения» союзной дипломатии, направленные на решение польского вопроса наиболее выгодным для Антанты способом. Для него было очевидно, что любые преобразования в Польше являлись прерогативой русского монарха. Не желая наблюдать, как французское посольство в Петрограде постепенно превращается в польский клуб, Сазонов провел беседу с французским послом М. Палеологом, в ходе которой заявил, что «Польша не была присоединена к России одним постановлением Венского конгресса, но была затем дважды ею завоевана в эпоху восстаний 1830 и 1863 годов, за которые в значительной степени несла нравственную ответственность французская политика» [Сазонов, с. 384].

Британский посол Дж. Бьюкенен в марте 1916 г. уже открыто писал Сазонову, что настал момент выработки плана по польскому вопросу на основе принципа национальности. Подобными действиями английский МИД старался привязать вопрос о «польских» приобретениях России к проблеме проведения реформ в Царстве Польском, то есть фактически вынести этот вопрос на международное обсуждение. Союзники также неоднократно намекали России, что у нее могут возникнуть трудности с предоставлением военных кредитов.

Не желая упускать инициативу, С.Д. Сазонов летом 1916 г. выступил с предложением провозгласить автономию в Польше, не дожидаясь новых попыток вмешательства со стороны союзников. К этому побуждали и полученные Сазоновым сведения о готовности Центральных держав перейти в польском вопросе от слов к делу [Бахтурина, Государственное управление... с. 66]. Глава МИД напоминал о недавнем выступлении в Рейхстаге германского канцлера Теобальда фон Бетман-Гольвега, который пообещал, что Германия и Австро-Венгрия непременно разрешат польский вопрос, а о возвращении к довоенному status quo не может быть и речи [Памятная записка... с. 85].

Императорский манифест о Польше должен был предотвратить такое развитие событий. Как отмечал в своих мемуарах британский дипломат Дж. Бьюкенен, летом 1916 г. российскому министру иностранных дел удалось, несмотря на противодействие главы правительства Штюрмера, добиться поддержки этой идеи со стороны императора [Бьюкенен, 171].

Разработка проекта автономного устройства Царства Польского была поручена С.Д. Сазоновым сотруднику внешнеполитического ведомства барону Б.Э. Нольде — видному специалисту по вопросам международного права. После завершения работы над документом проект был передан государственному секретарю С.Е. Крыжановскому «для согласования его с имперскими законами» [Сазонов, с. 387].

Проект политических преобразований в Царстве Польском, разработанный по поручению Сазонова, предусматривал сохранение связи между Польшей и Российской империей через личность императора (Царя Польского). Польша получала собственное правительство (Совет министров) и собственный двухпалатный парламент. К сфере интересов империи по-прежнему относились вопросы обороны, внешней политики, финансов, таможенного дела и стратегических железных дорог. Польский парламент мог принимать национальные законы, однако, если они затрагивали общеимперские интересы, то законопроекты подлежали обсуждению в Государственной Думе и Государственном Совете. Польша сохраняла также свое представительство в обеих российских законодательных палатах. Учитывая уже имеющийся опыт Финляндии, провозглашалось равноправие русских и поляков на территории Царства Польского. Наконец, явно идя навстречу пожеланиям правых кругов, законопроект полностью гарантировал неприкосновенность русского землевладения в Царстве Польском.

В конце июня 1916 г. Сергей Дмитриевич выехал в Ставку, в Могилев, чтобы лично представить проект императору.

Накануне доклада Николаю II Сазонов стремился заручиться поддержкой близких к императору людей, осознавая, по-видимому, что одной силы его убеждения может оказаться недостаточно. Так, министр ознакомил со своим проектом генерала М.В. Алексеева — начальника штаба Верховного главнокомандующего. По словам Сазонова, Алексеев поддержал проект и вызвался защищать его перед государем.

Несмотря на это, исход будущей аудиенции был неясен. Протоиерей Георгий Шавельский, к которому Сазонов также обращался за поддержкой, вспоминал: «Как и раньше, Государь был на стороне дарования льгот Польше; Императрица стояла за сохранение *status quo*» [Шавельский, Т. 2, с. 47].

Доклад императору, на котором присутствовал Алексеев, состоялся 29 июня 1916 г. По словам Сазонова, «Проект был прочитан Государю целиком и каждая его статья подверглась тщательному разбору, причем Его Величество задавал мне вопросы, доказывавшие его интерес к предмету моего доклада. После меня генерал Алексеев разобрал его со специальной точки зрения военной безопасности империи и в заключение выразился, без оговорок, в пользу его принятия» [Сазонов, с. 388].

После аудиенции у государя, по воспоминаниям очевидцев, «Сазонов сиял от радости. Оставалось, таким образом, заготовить манифест и объявить народу. Но вместо манифеста получилось нечто иное, для всех неожиданное» [Шавельский, Т. 2, с. 47].

Крушение надежды

Получив согласие императора и поручение вынести проект на обсуждение Совета министров, С.Д. Сазонов выехал в Петроград, чтобы ознакомить с данным решением Б.В. Штюрмера. Премьер был, несомненно, настроен отрицательно, но, имея на руках

ясно выраженную волю монарха, Сазонов мог надеяться на благоприятный исход обсуждения своего проекта в правительстве. Однако после возвращения в Петроград Сазонов, чье здоровье было подорвано, вынужден был уехать на несколько дней на отдых в Финляндию. За это время Б.В. Штюмер, имевший обширные связи в придворных кругах, приложил максимум усилий, чтобы подготовить смещение главы МИД. Рассмотрев проект С.Д. Сазонова в правительстве, министры вынесли заключение, что «обсуждение польского вопроса при обстоятельствах военного времени невозможно», а сам проект признали «несвоевременным».

7 июля 1916 г. С.Д. Сазонов получил рескрипт Николая II о своей отставке и назначении членом Государственного совета. Вместо Сазонова российский МИД возглавил Б.В. Штюмер.

По словам протоиерея Георгия Шавельского, «Изменение принятого Государем и объявленного им решения мало кого удивило. Удивило всех другое — это назначение министром иностранных дел Штюмера, никогда раньше не служившего на дипломатическом поприще и не имевшего никакого отношения к дипломатическому корпусу» [Шавельский, Т. 2, с. 47].

Своеобразным утешением для опального министра стала публикация в Петрограде в 1916 г. сборника его выступлений под названием: «Война и С.Д. Сазонов. Последние речи б. Министра иностранных дел во время войны в Государственной Думе». Сам факт появления такого издания означал, что взгляды Сазонова были все еще важны для российской бюрократии и могли быть услышаны в будущем.

Впрочем, победа Штюмера вовсе не свидетельствовала, что российское правительство окончательно отказалось от решения польской проблемы. Сам ход военных и политических событий диктовал такую необходимость.

То, о чем давно предупреждал С.Д. Сазонов, произошло. В августе 1916 г. германский канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег провел переговоры в Вене с австрийским министром иностранных дел Иштваном Бурианом, обсудив с ним дальнейшую судьбу оккупированной Польши. Оба политика пришли к принципиальному соглашению о создании на территории Царства Польского формально самостоятельного польского государства, в экономическом, политическом и военном отношении полностью зависимого от Центральных держав. Противников России интересовал экономический потенциал Царства, в первую очередь промышленные районы Радомы и Домбровы, а также его мобилизационные возможности. По мнению германских военных специалистов, Польша могла выставить от 900 тыс. до 1 млн новобранцев. Варшавский военный генерал-губернатор Ганс Гартвиг фон Базелер летом 1916 г. утверждал, что только из добровольцев в Польше можно было сформировать не менее трех новых дивизий. Так как международное право запрещало проводить мобилизацию на оккупированных территориях во время войны, единственным выходом оставалось провозглашение «независимого» польского государства.

5 ноября 1916 г. в Варшаве и Люблине германский и австро-венгерский генерал-губернаторы Ганс фон Базелер и Карл фон Кук одновременно опубликовали два манифеста. От имени своих монархов они провозглашали создание «Польского королевства» — фактически марионеточного государства, находившегося в союзе с Центральными державами, не имевшего ни реального суверенитета, ни даже собственных границ.

Отношение польского общества к этим документам было противоречивым. Обнародование германского акта в Варшаве, в Королевском замке, разумеется, выглядело высоко символическим жестом, направленным на то, чтобы пробудить среди поляков национальное самосознание и привлечь их симпатии на сторону Германии. Однако как заметил один из современников, принимавший участие в этой церемонии, ему было весьма странно услышать Марш Домбровского «в исполнении германского военного оркестра». Ни о каком доверии к оккупационным властям не было и речи [Krzywoszewski, s. 30].

В свою очередь, российское правительство 15 ноября 1916 г. выступило с официальным заявлением по поводу действий Центральных держав, в котором подвергло осуждению их шаги, нарушающие международное право.

«Императорское правительство, — говорилось в заявлении, — усматривает в этом акте Германии и Австро-Венгрии новое грубое нарушение нашими врагами основных начал международного права, воспрепятствующих принуждать население временно занятых военной силой областей к поднятию оружия против собственного отечества. Оно признает сказанный акт недействительным. По существу польского вопроса Россия с начала войны уже дважды сказала свое слово. В ее намерения входит образование целокупной Польши из всех польских земель с предоставлением ей на завершении войны права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии, под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности» [Матвеев, с. 171].

Но дальше этих заявлений правительство Б. В. Штюрмера не пошло, проявив удивительную недалекость в польском вопросе и, по существу, упустив инициативу. Попытки братьев Велепольских добиться от властей ответа, почему уже «фактически заготовленный манифест» о Польше так и не был объявлен, продолжавшиеся с июля 1916 г., ни к чему не привели.

Лишь 12 декабря 1916 г. император Николай II издал приказ по армии и флоту № 870, в котором одной из целей России в войне объявлялось «создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей» [Бахтурина, Государственное управление... с. 74].

После издания этого документа, 23 декабря 1916 г., граф С.И. Велепольский смог добиться аудиенции у императора. Польский политик и член Государственного Совета попросил разъяснить, как следует понимать слова «свобода Польши». Николай II ответил, что Польше будет дарован «собственный государственный строй со своими

законодательными палатами и собственная армия» и разрешил опубликовать это заявление в печати [Падение царского режима... с. 44]. Это последнее решение императора и его «всегда благожелательное, благосклонное отношение» к польскому вопросу, по словам Сигизмунда Велепольского, произвело на него глубокое впечатление [Там же].

По понятным причинам планы Российской империи в отношении Польши так и не были реализованы. До Февраля 1917 г. ни один из разработанных российской элитой проектов не получил законодательного оформления, та же судьба постигла и проекты польских политиков. Время деклараций закончилось, и после Февральской революции инициатива в разрешении польской проблемы окончательно перешла к Антанте.

Что же касается С.Д. Сазонова, то он искренне сожалел, что так и не смог довести начатое им дело до конца. «Нет сомнения, — писал он, — что русская революция разрешила польский вопрос быстрее и радикальнее, чем это сделала бы русская государственная власть, находившаяся в руках безвольных и бессильных людей. Но можно ли сказать, что она разрешила его справедливо и прочно? На это можно ответить только отрицательно уже по одному тому, что, будучи разрешен без участия России, он был разрешен против ее национальных интересов» [Сазонов, с. 390].

Отсутствие «Акта о Польше», на принятии которого так настаивал министр, привело к весьма болезненным последствиям для дальнейшей судьбы российско-польских отношений. Восстановленное по итогам Первой мировой войны польское государство, не имея четких границ, получило возможности для широкой экспансии на восток. Вместо примирения в жизни двух соседних народов наступило новое тревожное столетие, полное конфликтов, взаимных предубеждений и недопонимания.

Приютившая С.Д. Сазонова после окончания Первой мировой войны Польша так и не стала для него вторым домом. Перебравшись в 1920-е годы в Берлин, бывший глава МИД категорически возражал против включения в состав восстановленной Польской республики земель Западной Белоруссии и Западной Украины с их многомиллионным населением, критиковал политику польских властей, нарушавших национальные и религиозные права украинцев и белорусов, проживавших в Польше.

«Горькая судьба этих русских людей, — отмечал дипломат, — подвергающихся тяжким религиозным притеснениям и живущих в состоянии бесправия, известна всем, кто сколько-нибудь знаком с современным положением Польши, и неоднократно обращала на себя внимание европейской печати» [Сазонов, с. 371].

По мнению Сазонова, в 1920-е годы повторилась «старая польская попытка окатоличения и ополячения Белой и Малой Руси, не удавшаяся в XVII веке и бывшая одной из причин крушения Польского государства». Подобная политика, оказавшаяся ложной и невыполнимой уже в XVII столетии, в XX в. также могла привести лишь к одним раздорам и смуте [Там же].

Восстановление польской государственности, проведенное без участия России, было, по словам министра, делом не только несправедливым, но и опасным для дальнейшего развития Европы: «Польша сплоченная и жизнеспособная нужна Европе, но наскоро сколоченная из кусков и обломков соседних государств она едва ли будет служить оплотом европейскому миру, а явится для него скорее угрозой. В нынешнем своем виде Польша представляется искусственным созданием» [Сазонов, с. 394].

С поразительной точностью предсказывал опытный дипломат непрочность мира, установленного в Версале, и вероятность нового военного конфликта общемирового масштаба. «Политика, покоящаяся на расчете вековечности советской олигархии и продолжительной слабости Германии, может привести к неожиданностям, в предупреждении которых одинаково заинтересованы не только Европа, но и весь мир», — писал он.

Голос С.Д. Сазонова в Европе в межвоенные годы так и не был услышан. Однако и после долгих десятилетий забвения многие взгляды российского дипломата сохраняют свою актуальность.

Литература

- Бахтурина А. Ю.* Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8.
- Бахтурина А. Ю.* Государственное управление окраинами Российской империи в годы первой мировой войны. М. 2004.
- Бахтурина А. Ю.* Статус Царства Польского в политике самодержавия накануне Февральской революции // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей / Отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб. 2012. С.76–87.
- Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М. 1991.
- Вечоркевич П.* Законодательные органы (Дума и Государственный совет) как платформа российско-польского политического примирения // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М. 2000.
- Война и Польша (польский вопрос в русской и польской печати). М. 1914.
- Война и С. Д. Сазонов. Последние речи б. Министра иностранных дел во время войны в Государственной Думе. Пг. 1916.
- Гиппиус З.* Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк; М. 1990.
- Добронравин Н. А.* Россия и непризнанные государства в период Первой мировой войны. 1914–1916 гг. // Новейшая история России. Выпуск № 3 (11). 2014.
- Записка гр. Сигизмунда Велепольского 27 апреля 1915 г. // Русско-польские отношения в период мировой войны / Сост. Н. М. Лапинский; предисл. М. Г. Валецкого. М.; Л. 1926. С. 50–53. — URL: [http:// escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1746](http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1746) (дата обращения: 26.09.2018).
- История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1997.
- Колмагоров К. Н.* Польский вопрос в политике российского МИД (1914–1916) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск. 2003. Вып. 5.

- Копылов Н. А.* Польские военные формирования в составе русской армии (1914–1916): военные и политические проблемы формирования и боевого применения // *Материалы научной конференции «Великая, священная, отечественная: Россия в Первой мировой»*. 26–27 июня 2014. М. 2014.
- Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке: 1914–1915. Мн. 2003.
- Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М. 1957. Т. I, II.
- Матвеев Г. Ф.* Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Великой войны // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Выпуск № 1 (15). 2014. С. 171–192.
- Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В двух книгах. Книга 1. М. 1993.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. VI. М.-Л., 1926.
- Памятная записка министра иностранных дел Сазонова от 17 апреля 1916 г. с приложением основных постановлений устава о государственном устройстве Царства Польского // *Русско-польские отношения в период мировой войны / Сост. Н. М. Лапинский; предисл. М. Г. Валецкого*. М.; Л. 1926. С. 85–94. — URL: [http:// escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1746](http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1746) (дата обращения: 26.09.2018).
- Погодин А. Л.* История польского народа в XIX веке. М. 1915.
- Позняк С. В.* «Польский вопрос» во властных структурах Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны // *Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей*. БГУ. 2004. С. 159–173.
- Сазонов С.Д.* Воспоминания. М. 1991.
- Соколов А.С. С.Е. Крыжановский и польский вопрос* // *Вестник РГУ им. И. Канта*. 2005. Вып. 3. Сер. Гуманитарные науки. С. 75–80.
- Столыпин А.* Слово об отце // *П. А. Столыпин. Нам нужна великая Россия...: Поли. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг.* М. 1991.
- Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Мн. 2005.
- Уткин А. И.* Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск. 2000.
- Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954.
- Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни. Секретные заседания Совета Министров 16 июля — 2 Сентября 1915 года). // *Архив русской революции*. Т. XVIII. Берлин. 1926.
- Яхонтов А. Н.* Первый год войны. Париж. 1936.
- Krzywoszewski S.* Długie życie. Wspomnienia. T. I. Warszawa. 1947.
- Polskawpamiętnikachwielkiejwojny, 1914–1918.* Zebrał i objaśnił M. Sokolnicki. Warszawa, 1925.